Линь Дань вздрогнул от его прикосновения, подумал и сел на край кровати, сняв с себя и Ху Чэ обувь и носки. Посмотрев на свои голые ноги, он обернулся к Ху Чэ, вдруг усмехнулся и, босиком, побежал проверить двери и окна, а затем вернулся, потирая руки с горящими глазами, и начал стаскивать с Ху Чэ штаны.

— Ху Ани, о Ху Ани, вот и твой настал!

Пояс со свистом слетел.

— Вот тебе за то, что ты вечно штаны с меня стягиваешь!

Штаны были сброшены.

— Вот тебе за то, что вечно меня раздеваешь!

Одежда была расстёгнута.

Снимать одежду оказалось сложнее, чем штаны. Линь Дань снова сел на кровать, поднял Ху Чэ и прислонил его к себе, с трудом сняв с него всю одежду, и даже осмелился шлёпнуть его по заднице.

Вспомнив, как Ху Ани издевался над ним всю прошлую жизнь и продолжает в этой, и увидев, что Ху Чэ сейчас совершенно беззащитен, Линь Дань не смог сдержать беззвучного смеха, перевернулся и прижал Ху Чэ к кровати. Его сердце забилось быстрее, когда он наклонился для поцелуя, и он почувствовал лёгкую робость.

Раньше всегда Ху Чэ был инициатором, но теперь его черёд, и он собирался сделать что-то дерзкое… Линь Дань почувствовал, как его ноги подкашиваются, и подумал, что потом ему будет очень плохо. Но упустить такую возможность было бы глупо!

Он огляделся, нашёл красный шнур и крепко связал им руки Ху Чэ, привязав к кроватному столбу.

— Думаешь, теперь всё надежно?

— Угу, теперь точно проблем нет!

Подождите! Кто это с ним говорил? Линь Дань почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, ноги подкосились, и он сел. Подняв глаза, он встретился с открытым взглядом Ху Чэ и от испуга чуть не покатился с кровати… Нет, он прищурился и осмотрел Ху Чэ — его ноги были под ним, руки связаны, и сейчас Ху Ани был как кусок мяса на разделочной доске, готовый к разделке!

Это всего лишь Ху Ани, он не боится!

— Я тебе говорю, не пугай ты понапрасну, сегодня… хм-хм…

Линь Даньдань хмыкнул и ущипнул Ху Чэ за задницу.

Ху Чэ лежал на кровати, не сопротивляясь, и с улыбкой спросил:

— Сегодня я какой?

Маленький негодяй даже не понимал, как он сейчас выглядит? Без штанов, сидя прямо на его

ногах, с растрёпанной одеждой и слегка открытым воротом, его кожа, вероятно из-за жары, приобрела соблазнительный розовый оттенок.

Линь Даньдань был крайне недоволен тем, что Ху Ани в такой ситуации оставался спокойным, и, уперев руки ему по бокам головы, наклонился с угрожающим видом:

— Я обязательно заставлю тебя почувствовать себя на седьмом небе… хе-хе… Ой!

Он вдруг почувствовал, как его положение изменилось, и он оказался под Ху Чэ.

— А?

Ху Чэ, лежа на Линь Дане, не спеша развязал красный шнур:

— Оказывается, Даньданю нравится, когда его связывают.

Линь Дань изменился в лице и поспешил отрицать:

— Нет! Мне совсем это не нравится!

— О, тогда связывать не будем, — легко согласился Ху Чэ и выбросил шнур на пол.

Линь Дань, знавший Ху Чэ две жизни, не расслабился, понимая, что следующее будет ещё хуже:

— Что ты задумал?

Ху Чэ провёл рукой под одеждой Линь Даня, его поцелуи спускались от уголка рта к шее, горячее дыхание обжигало кожу:

— Я хочу, чтобы ты… по… чув…ство…вал… на седьмом небе.

Что значит «сам себе яму вырыл»? Это именно тот случай!

Линь Дань сам себе вырыл яму и попал в неё с головой! На следующий день, когда Ху Чэ поднял его с кровати, он не хотел ничего говорить.

— Даньдань, ещё болит?

Ху Чэ посадил Линь Даня к себе на колени, поднял его подбородок и поцеловал, потом ещё и ещё, не мог на него насмотреться.

Линь Дань не чувствовал боли, кроме странной припухлости в одном месте, но всё тело было как ватное, и он мог только терпеть, как его жена целовала и трогала его, слабо протестуя:

— Животное.

Он просто вчера поддался искушению, стоило ли так серьёзно к этому относиться? Сначала они сделали это на кровати два раза, потом в ванной ещё раз, а когда Ху Чэ мазал его мазью и массировал, чуть не начал снова… Это было просто несправедливо!

Ху Чэ прищурился и тихо сказал:

— Животное заставило тебя почувствовать себя на седьмом небе.

Линь Дань покраснел:

— Можно не упоминать эти четыре иероглифа?

— Хорошо.

Рука Ху Чэ скользнула от поясницы к округлости, и он почти касаясь губ Линь Даня прошептал:

— Вчера ты меня очень сильно сжимал.

Линь Дань почувствовал, как что-то взорвалось у него в голове. Он повернул голову и уткнулся в грудь Ху Чэ:

— Я хочу спать, сегодня из дома никуда не выйду.

Ху Чэ послушно уложил его обратно на кровать:

— Хорошо, в любом случае нам не нужно подносить чай гостям и не нужно возвращаться в родительский дом, можем в постели спать хоть несколько дней.

Линь Дань напрягся. Он опять сам себе яму вырыл? Теперь он попал в неё обеими ногами?

После свадебной ночи Линь Дань отдыхал только полдня.

Многие гости остались ночевать по разным причинам и, проснувшись утром, начали уходить.

Ху Чэ пообедал с ними, вежливо уговаривал остаться, но гости всё же попрощались. Как хозяин, даже если Линь Дань был известен своей слабостью, он должен был выйти, чтобы проводить их.

Гости уходили в разное время, и Линь Дань, Ху Чэ и Бай Чжэнцин провожали их до заката. В конце Линь Дань совсем выбился из сил, и его заменил Линь Ин.

Уходящие гости выражали разные эмоции, но никто не считал Линь Даня невежливым.

— Линь Далань — великий талант, жаль, действительно жаль.

— Что поделаешь? Он столкнулся с тем, кто выше его.

— Эх… не говорите, сейчас… Императорская семья наверху, и их ошибки не для всех.

Они сожалели, но только на словах, и мало кто действительно мог помочь.

Близкие друзья, конечно, были возмущены. Но Линь Дань не хотел втягивать их в неприятности и старался помочь, где мог. Например, его наставники в академии, он мог сделать для них немного, но они были очень благодарны.

Наставники академии имели множество учеников. Многие приходили поздравить их в праздники, но только Линь Дань заботился о них годами, даже если сам не приходил, а только посылал слуг.

Некоторые в академии говорили, что Линь Дань ищет славы, но наставники и большинство учеников их осуждали. Даже если бы Линь Дань был здоров, разве он мог бы сам рубить дрова

и ремонтировать крыши?

Пусть те, кто обвиняет Линь Даня в поиске славы, сами попробуют.

В кругах столичных учёных репутация Линь Даня достигла определённого уровня. Если бы он не был известен своей слабостью, его дом уже давно был бы полон гостей.

Некоторые оставались равнодушными. Большинство дел Линь Даня были полезны для бедных студентов. Однако среди учеников было много бедных, но действительно нуждающихся было мало. Политика контролировалась влиятельными семьями. Они ценили бедных студентов, но только немногих. Действия Линь Даня они считали хорошими, но это не касалось их.

Другие считали, что Ху Гаоминь сделал удачный ход.

— Ху Гаоминь известен своим талантом, и министр Ху действительно готов пожертвовать.

— А что тут жертвовать? Линь Далань всё равно проживёт недолго. Пожертвовать несколькими годами сына, чтобы получить Великого наставника Наследного принца в родственники, что может быть лучше?

Даньдань: Я хочу спать!

Ани: Хорошо, давай спать.

Даньдань: Я хочу спать комфортно!

Ани: Хорошо, я обязательно сделаю тебе комфортно.

Даньдань: Спать, ничего больше!

Ани: Хорошо, спать, ничего больше, только тебя.

http://bllate.org/book/17701/1652772